

1.

1978 год. Комната в сталинке. Высокие потолки, чугунные батареи, холод. На деревянном полу скрученный разноцветный полосатый половик. Окно занавешено. В углу комнаты икона, на столе икона, гребень, на стене ещё одна икона. На ножках первый цветной телевизор «Рубин – 401», накрытый кружевной салфеткой. На нем включённый ночник – мельница. Светится, освещает бирюзовым, а поворачивая лопасти против часовой - и по часовой тебе музыка, пока завод не кончится. На табуретке рядом с кроватью стоит одеколон «Гвоздика», а настольный вращающийся календарь из мельхиора завис между сменой цифр, рядом лежит ручной тонометр фиолетовый, стетоскоп и исписанная бумажка, сложенная во много раз, слегка протертая и пожелтевшая. Ни ручки, ни карандаша нигде в комнате нет - не нуждается, кому надо – с собой принесут. Справа от табурета – кровать: деревянные подлокотники, красная грубая обивка. На диване матрас, потом клеенка, потом уже постельное. На полу рядом тряпичные синие тапки на литой подошве. Молдавские, наверное. Пахнет лекарствами. На диване лежит старая женщина - Прабабушка. Одеяло, подушки. Только видно голову: платок и выбивающаяся седина. Лежит головой к двери. Спит. Молчит радио «Маяк»: «Говорит и показывает. Жизнь продолжается». Время зависло. Звучат позывные «Подмосковные вечера».

Темнота.

Та же комната. Старая женщина лежит ногами к двери.

Коридор. Зеркало покрыто. Очень тихо вокруг.

Ивановна. Идите, в комнате поиграйте. Не выходите. Сидите там.

Отворачивается.

Ивановна. Ничего не случилось. Все хорошо. Идите.

В коридор выходит Нина Михайловна.

Нина Михайловна. Мама?

Ивановна. Все хорошо, идите, я сама.

2.

1973. Кухня. Деревянные растрескавшиеся окна, заклеенные газетами, где-то выбивается грязноватая вата. Открыта форточка. Душно, в форточку сочится лето. На форточке покачивается сетка от комаров. На подоконнике стоит кастрюля. Плита с грязными конфорками. На плите закопченный чайник с проволокой вместо ручки. Прабабушка сидит за столом. На столе клеенка, хлеб и чеснок. Она отламывает кусок хлеба, надкусывает часть чеснока, чистит его, натирает им хлеб. Потом натирает другой кусок – корочку. Пахнет липами и чесноком. Чайник кипит. Прабабушка встает, шаркая, подходит к нему, и, не найдя прихватки, снимает чайник подолом своего шерстяного платья. Наливает кипяток в заварочный чайник. Идет пар. Тишина. Накрывает крышечкой. Прабабушка наливает кипяток в стаканы. Один оставляет у себя, другой двигает к смежной стороне стола. На табурете у стены сидит Эльза. Платье. Голые колени, ни одной царапины.

Эльза. Я хочу корочку.

Прабабушка молча меняет местами куски хлеба. Девочка откусывает хлеб.

Эльза. Мне не нравится.

Прабабушка. Вырастешь – поймешь. *(Указывая на большую бежевую пластмассовую солонку)* Неси сюда.

Эльза подходит к большой бежевой пластмассовой солонке, несет ее двумя руками. Прабабушка запускает безымянный, средний и большой, солит чесночную часть. Указательный палец у нее кривой и слегка отставленный в сторону.

Прабабушка. Всё, хватит.

Садятся обратно. Девочка откусывает, жуует. Прабабушка пододвигает заварочный чайник Эльзе.

Прабабушка. Наливай себе.

В кружке Прабабушки остается просто вода.

Эльза. Я наелась.

Прабабушка. А что, едят только голодные?

Эльза. Я не знаю.

Прабабушка. Давай сюда. Вырастешь – поймешь.

Эльза отдает прабабушке свой кусочек, хлебает пустой чай. На кухню заходит Ивановна.

Ивановна. Мама, не пугай ребенка.

Тишина. Лето. Радио молчит. Технический перерыв с двух до трех.

Действующие лица.

Прабабушка, 1889

Ивановна - мать, бабушка, прабабушка, дочь Ивана, 1917

Нина Михайловна - дочь своей матери Ивановны, мать, бабушка, 1936

Эльза, дочь Нины Михайловны, внучка, мать, 1965

Девушка в шапке, дочь Эльзы, правнучка, 1989

Дмитрий Викторович, первый муж Нины Михайловны, отец Эльзы, 1937

Резеда Федоровна, вторая жена Дмитрия Викторовича, 1945

Владимир, не муж Эльзы, 1962

Молодой человек, будущий муж девушки в шапке

Дядя Саша Лыжников

Гость 1, 2, 3

Ученик 1, 2, 3, 4, 5, 6

Учитель

Женщина на лавке

Женщина-огородница

Пьяненький старик с бородой

Мама Дмитрия Викторовича

Девушка без шапки

Разные пожилые люди. Одинокие и не очень

Неуловимые правнуки и таинственные праправнуки

3.

Наше время, Урал. Комната Ивановны. Единственная комната в квартире, где не сменили окна. Везде пластиковые, а тут еще старая деревянная выбеленная рама и

решетка на окне. За окном футбольное поле. Подстриженный газон, две команды детей в цветных майках гоняют мяч. Слышно только звон мяча после удара, да крики тренера. Дети еще не матерятся, когда что-то идет не так.

Ивановна. Я не хочу умирать на вашей мебели. Переложите меня.

Нина Михайловна. Мама, что ты говоришь? Ты будешь жить еще долго.

Ивановна. Нинка!

Нина Михайловна. Мне пора ехать по огородным делам. Включить тебе телевизор?
(Пауза). Радио? (Пауза). Книжку дать?

Ивановна. Отец твой, Семка, никогда без книги спать не ложился. На столе обязательная книга. Пусть две страницы в день, но книга.. Всю жизнь меня бранил, что по слогам читаю.

Нина Михайловна. Позвать Эльзу, она тебе почитает?

Ивановна. Дети дома?

Нина Михайловна. Нет, не дома.

Ивановна. Включи радио.

Нина Михайловна включает радио, выходит из комнаты.

4.

Наше время, Урал. Комната Ивановны. У постели Ивановны.

Нина Михайловна. Так и познакомились, сама ведь все знаешь – учились вместе, вот и случилось. Сама не предполагала - сначала он ходил за другой девушкой, Людой, из параллельного. Да и за мной другой мальчик ухаживал, помнишь Костю?

1953 Раннее утро. Ребята идут в школу, но все без портфелей. Мальчики в серых военных гимнастерках с воротником стоечкой, с пятью пуговицами, да двумя прорезными карманами с клапанами на груди. Девочки в коричневых шерстяных платьях с черным передником. У комсомольцев и октябрят – значок на груди. Еще лежит снег. Валенки и калоши. Сменка есть. Помещение школы отапливается. На входе дежурные и учителя. Ребята передеваются, вместо красных повязок у всех черные.

Учитель. Все в коммунистический класс.

Все заходят. Выстраиваются по стенам. Стоят. Кто-то смеет стоять глядя прямо, большинство стоит, опустив глаза. Кто-то ревет.

Ученик 1. Ты что плачешь?! Ты ни в чем не виновата! И никто не виноват! Замолчи!

На трибуне черная тарелка. Портрет Сталина. Возле него в почетном карауле два ученика. Вытянуты.

Учитель. Как вам известно, пятого числа в девять вечера пятнадцать минут умер товарищ Сталин. Время! Включите скорее радио.

Включают радио.

Голос Берии. Дорогие товарищи, друзья!

Трудно выразить словами чувство великой скорби, которое переживают в эти дни наша партия и народы нашей страны, все прогрессивное человечество.

Не стало Сталина - великого соратника и гениального продолжателя дела Ленина. Ушел от нас человек, самый близкий и родной всем советским людям, миллионам трудящихся всего мира.

Вся жизнь и деятельность Великого Сталина..

Ученик 2. Это Сталин говорит?

Ученик 3. Нет, это Берия, он тоже с акцентом. Молчи.

Ученик 4. Тише, не надо.

Голос Берии. Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция нашей страны могут работать спокойно и уверенно, зная, что Советское Правительство будет заботливо и неустанно охранять их права, записанные в Сталинской Конституции. Наша внешняя политика ясна и понятна.

Ученик 5. Слышали, Сталина-то врачи убили, евреи, жида.

Ученик 6. Конечно, евреи – врачи, за ними не следили ж. И до него добрались.

Ученик 4. Ты что такой непонятливый? Замолчи.

Ученик 5. И что?

Ученик 4. И то!

Голос Берии. Вечная слава нашему любимому, дорогому вождю и учителю - Великому Сталину.

Плач.

Ученик 5. Слышали, будет организованное прощание населения, и Сталин будет в Колонном зале лежать.

Ученик 6. Эх, был бы в Москве, посмотрел бы.

Учитель. Если кто-то может что-то сказать.. Если нет, то сегодня это простительно.

Выход из школы. Товарищи дети потихоньку расходятся. Дима догоняет Нину, Нина плачет.

Дима. Нина, у меня тут сегодня день рождения.

Нина. Ты чего?

Дима. А что?

Нина. Сталин умер.

Дима. Ааа..

Нина. Это ж святыня.

Дима. Нина. На Привокзальной, там ребята соберутся. Только ты не говори никому, что я буду праздновать. У меня мама на смену ушла. Ребят зову. Если ты хочешь. Я буду ждать.

Нина. Что нам теперь делать?

Дима. Пирог будет. Не мне, конечно, по товарищу Сталину. Я буду ждать. Я думал Дом культуры, танцы, но сейчас все так.

Нина. Вот не вовремя ты родился совсем, не понимаешь ты этого, что ли?

Дима уходит.

Нина. Не понимаешь всей меры ответственности.

Привокзальная, серый дом, другие дома вокруг ухоженные, крепкие, а этот без мужской руки, видно, уже давно стоит. Калитка с выбеленным номером на ней, за ней – не подрезанная сирень, черемуха стоят под снегом. Под снегом грядки, крыша дома, часть повалившегося забора. В доме тускло горит свет.

Дима. У тебя пирог.

Нина. Где?

Дима. На щеке.

Она тянется языком. Облизывает.

Дима. Ну, вот и все, слизнула и все. *(Пауза)*. Смотри, я тут стул делаю, хочу вот эти ножки перекрутить, тут немного и будет как на колесиках. А? Я еще маме банки помогал варенье, распечатаем, попробуем? Если понравится. *(Говорит громко, для всех)*. Ревневое варенье! Ребята. Чай, варенье.

Ученица 1. Мне совсем немножечко.

Ученик 2. А мне побольше!

Ученик 3. А пирог уже все?

Пробуют варенье.

Ученик 2. Можно есть!

Ученик 3. Зачем ты столько много наложил?

Дима. Все хорошо, я сам еще не пробовал. Положу.

Ученица 2. О, как хорошо.

Дима. Ну?

Ученик 4. Вкусно.

Дима. Нина, пробуй.

Нина. Я уже попробовала. Мама ругать не будет, что без нее открыл?

Дима. Это только одна банка, там еще есть. Есть еще из черноплодной рябины. Будешь?

Нина. Спасибо, я уже все.

Дима. Совсем все?

Нина. Только чай просто.

Дима. Чего пустой чай хлебать, давай еще другую банку открою.

Нина. Не надо, не надо.

Дима. Я сейчас. *(Убегает)*.

Нина. Не надо. Мне пора. Мама волноваться будет.

Нина выходит. Начинает собираться. Дима возвращается.

Дима. Вот, смотри, как она высохла там вся. Нина?

Нина уже на улице. Стемнело. Подходит к кустам, ищет в них что-то. Достает валенки в калошах, снимает свои приличные ботинки, переобувается, идет домой.

Наше время, Урал, уже на кухне.

Нина Михайловна. С работы отпросилась, сбегала в ЗАГС.

Эльза. Даже не в обеденный перерыв.

Нина Михайловна. Я тогда работала посменно, не было перерывов.

Эльза. Вот ты хотела выйти замуж, вышла, никого не спросила.

Нина Михайловна. Ты все равно меня не переубедишь.

Эльза. Мама, это было больше двадцати лет назад. Я даже не собираюсь тебя переубедить.

Нина Михайловна. А вот спроси ты моего благословения – все бы иначе было бы. Жили бы мы здесь щас с тобой?

Эльза. Жили бы, мама, жили.

Нина Михайловна. Нет. *(Пауза)*. Надо маму переложить. Эльза, дети давно звонили?

Эльза. Вчера.

Нина Михайловна. Что говорят?

Эльза. Хорошо все, говорят.

Нина Михайловна. А что именно?

Эльза. С работы ушла, учебы, в институт другой поступила.

Нина Михайловна. Бросила, что ли?

Эльза. Вроде того.

Нина Михайлова. Время жалко драгоценное терять.

Эльза. Это ее время. Она все равно будет жить так, как ей надо.

Нина Михайловна. Бесполезно говорить, как надо делать, сделает так, как хочет. Хочет, чтоб я переживала.

Эльза. Это реальная действительность.

Нина Михайловна. Ой, беда с ними. Я до мамы.

Нина Михайловна уходит в соседнюю комнату.

5.

Наше время, Урал, кухня. Две женщины на очень маленькой кухне возятся у плиты, каждая готовит свое.

Нина Михайловна. Мы не занимались пьянством, пили только хорошее вино. Если собиралось человек 10 людей, по бутылке на брата. Кому-то, может, не хватало - полторы. Сухое вино оно же легкое, там 10 градусов

Эльза. Как раз ящик, 10 бутылок – ящик.

Нина Михайловна. Я не помню, чтобы мы ящиками брали.

Эльза. Я помню ящиками, ящики стояли.

Нина Михайловна. Это на праздники мы брали. Когда собиралась большая компания. Импортное вино все равно было дефицит. Быстро разбирали. Но мы не пьянствовали. Ребята сидели, вели культурные разговоры, слушали музыку. Все грамотные, с высшим образованием. А ты была маленькая, вот и ходила, ругалась, тебе казалось неприемлемо. Комната твоя рядом была. Вот одна, вот другая, помнишь? А музыка громко играла, нет, не громко. А там же все: и рок, и джаз, и все. Ох, мы танцевали, танцевали. Пели песни, но редко. Была хорошая музыка. Битлы были, дипепл был, пинк фloyd, квин был. Дядя Саша, на спине который тебя возил, ему привозили пластинки из-за границы, он переписывал с оригинальных пластинок на магнитофон, а потом давал копии Диме, а у нас уже слушали. Комната была большая, столько знакомых, друзей собиралось. Ты была только одна, на лето тебя возили к бабушке. Я всегда приглашала, пожалуйста. Другие жены же ворчали, выгоняли всех. Я считала так: лучше пусть пьют дома, пусть даже сухое вино, чем он будет шляться и пить на стороне. Вот он выпил, если даже он и лишку выпил, диван

рядом. Магнитофон хорошо работал. «Комета». Потом купил эту, приставку, с пластинок переписывать. Ты в субботу училась, а у нас уже был выходной. А все равно, когда спишь, кажется, что громко ведь. Мне казалось, что мы тихо сидим.

9 марта 1977 Юбилей Дмитрия Викторовича. 40 лет. Молодая Нина Михайловна, приходят гости, кто парами, кто поодиночке. Большая комната. Большое окно, большая балконная дверь за голубоватым тюлем сплошным, а по бокам тяжелые шторы в цветок. На стене – ковер, на полу – ковер. Диван, накрытый покрывалом в красно-синюю клетку. Напротив, у другой стены – шкаф-пенал. На нем стоят две игрушки Эльзы: бурый мишка и кудрявая кукла. Мишка молчит, его ведь не наклонили, а кукла не закатывает глаза. Молчат, смотрят. На середине комнаты большой раздвижной журнальный стол. У стены стоит магнитофон, крутит. Телевизор на тумбочке, по обе стороны от нее – два кресла. Стол накрыт белой скатертью. На нем вина, салаты. Ваза с фруктами. На кухне, в духовке, доходит второе.

Гость 1. А фотоны на нас падают, и время уходит безвозвратно.

Гость 2. Читал новый номер «Химии»? Я сейчас покажу.

Гость 1. Это там, где про французов и Пушкина? Он тратит шесть страниц древесины, подходя к поэзии Пушкина чисто с информационно несущей стороны.

Гость 2. Смотри, берем новый номер. Прикладываем к старому – он на пару сантиметров больше. А у меня полочка специальная. Теперь же весь архив нужно переформировывать. Как ставить-то?

Гость 1. Он еще с января такого формата.

Гость 3. Говорят, что Пушкин перед смертью принял ислам.

Гость 1. А с чем это связано, интересно.

Гость 3. Да это просто сказали и всё.

Гость 2. Пушкин принял ислам?

Гость 3. Он просто..

Гость 2. Нет, Женя, должно быть как-то не просто.

Гость 3. А что там должно быть? Документы?

Гость 1. Там – это где? Если ты говоришь «а», говори «б». Там – это где?

Гость 2. Где?

Гость 1. Там, там. Ты сказал там.

Гость 3. Казахи это говорят.

Гость 1. Какое отношение он вообще к казахам имеет?

Гость 2. Он, вообще-то, больше негритянского уклона.

Нина Михайловна. Философы-литературоведы, а! Для вас.

Заиграл магнитофон. Поет Анна Герман. Все вокруг стола. Бокалы.

Лыжников. Дима! Оставь музыку, оставь! Дима. *(Достает картину-фотографию: море, выходы горных пород по берегу – скалы, скалы. У линии горизонта стоит дом, на крыше – маяк. Первый в истории дом-маяк. Первый город, награжденный медалью «за проектирование города в сложных географических условиях»).*

(читает) Пока ты прожил сорок лет.

Не, скрути звук, убери, убери его. Спасибо.

(читает дальше) Пока ты прожил сорок лет
 И от трудов научных ты еще не сед,
 Скажи, мой друг, а дальше что?
 Пускай за эту жизнь ты выпил 10 бочек «Мукузани»,
 Подружек от жены завел, ну например, в Рязани.
 Скажи, мой друг, а дальше что?
 А будешь ты столетний дед
 И непременно будешь сед
 И за оставшуюся жизнь ты выпьешь 20 бочек «Мукузани»,
 Но будут ли любить тебя тогда подружки из Рязани?

Все аплодируют, Нина Михайловна встает, уходит на кухню.

Дима. Нинка, это же наш дом!

Из смежной комнаты выходит Эльза.

Эльза. Приверните музыку! Спать мешаете!

Наше время, Урал, кухня.

Нина Михайловна. ..здоровья, здоровья надо было желать. Дядя Саша дарил. Были хорошие люди. Я тогда еще работала в школе, потом уже вычислительный центр. Мы жили тогда в шестом микрорайоне. 14 лет жили. Не 20, не 30 и не 50. Всю жизнь пораскидала по разным местам. Развелись, а потом, потом я к маме сюда приехала. Приехала и приехала.

6.

1977. Тишина. Нина Михайловна лежит в большой кровати не по середине, а так, с краю, по привычке: одно одеяло, одна подушка, одна Нина Михайловна. Смотрит в потолок. Где-то на соседней улице простучал последний по рельсам в депо. Душно. Балконная дверь открыта. Колышется занавеска. Нина Михайловна смотрит в потолок в одну точку. Тускло горит ночник, слышно электричество. Молчит, смотрит, хочет уснуть. Эхом в подъезде хлопнула входная дверь. Занавеска колыхнулась и медленно опустилась обратно. Тишина. Мимо светящейся замочной скважины прошла чья-то тень на свой пятый. Чуть изменилось напряжение в розетке – ночник засветил ярче, но вот уже стабилизировалось – никто ничего не заметил. По стене поползла линия занавески – по двору едет машина. Желтый луч остановился на черно-белой свадебной фотографии и тут же пополз дальше, к Первому сентября дочери, но остановился, исчез на пару секунд и потом обратно, но уже красноватый - не стал ничего разглядывать. Надулась занавеска под напором уличного воздуха, но в комнату не пускает, как щит. Тишина. Все так же душно, но это скоро пройдет, с первой росой. На кухне затрясся холодильник. Пошумел и затих так же резко, как начал. Нина глаз не отводит, лежит, смотрит, да и моргает редко. Тишина. Духота. Уличный фонарь желтит окно, стены, фотографии, прикроватную тумбочку с городским телефоном, расческой, шпильками, очками, и, если бы он светил чуть ярче, то много чего еще видно было бы, пусть лежит так. За стенкой у соседей засвистел чайник. Нина Михайловна все еще лежит с открытыми глазами. Зажурчала вода по сточной трубе, и снова тишина. Щелкнули часы – часовая

стрелка совпала со стрелкой завода будильника. На часы легла рука Нины, и они не стали шуметь. Один взгляд на часы. По двору проехала машина, но следа на стене от неё уже не было никакого. Рассвело. Теперь пора будить Эльзу и на работу.

7.

Наше время, Урал, комната Ивановны.

Нина Михайловна. Я ж говорю, у меня память отшибло. Шлепнулась тогда. И не поняла даже в чем дело. Кусок жизни вылетел из памяти. Школьные годы плохо помню, ты мне много потом рассказывала, в институте училась - помню. Книжек столько перечитала, не помню ничего толком. Все вылетело из памяти. Упала сильно. Видимо, это амнезия была. Я это не поняла, пока «Санту Барбару» не посмотрела, там как раз у героини амнезия была. Тогда я первый раз услышала это слово, что может вылететь кусок жизни из головы вообще. Даже не помнишь, что было, как, что. Бежала на электричку, упала возле магазина. Искры посыпались. Встала, побежала дальше, а потом голова стала болеть. Тебе не жаловалась, зачем? Я сколько себя помню, у меня всю жизнь голова болит. Помню, лечу в самолете, сюда летела, как будто сверлом.

1994. Однокомнатная квартира. Урал. После развала СССР. Всех жизнь пораскидала. Ивановна 77 лет, Нина Михайловна 58 лет, Эльза 29 лет и ее маленькие дети. Нина Михайловна на чемоданах и с газетами, журналами: «правда», «толстушка», «огни Мангышлака», «неделя», «собеседник», «учительская газета», «информатика» журнал, «квант», «информатика и образование», «юность», «мир», «иностранный литература», да куча книг в переплете.

Нина Михайловна. Если б не вы, я бы и не приехала.

Смотрит на детей, дневной сон у них.

Нина Михайловна (Эльзе). Чего он у тебя такой синий, кхекает?

Эльза. Болеет. Воспаление легких.

Ивановна. Говорила, теплее.

Эльза. Так они не привыкшие. Антибиотики ставим. Вроде даже ничего выглядят они по сравнению с другими детьми: на улице подходят, спрашивают, чем вы их кормите.

Нина Михайловна. И чем?

Эльза. Макаронами. Больше нечем.

Нина Михайловна. Дура.

Ивановна. Надо было на огород со мной больше ездить.

Нина Михайловна. Мама, ну какой тебе огород? Тебе уж почти сто лет в обед. Всё огород.

Ивановна. Пока силы еще есть.

Нина Михайловна (Эльзе). А все потому, что муж твой не приехал.

Эльза. Он мне не муж. Зато ты вот приехала, мама.

Нина Михайловна. Отец твоих детей.

Эльза. Ой, всё.

Ивановна. Всё, я на работу. Устраивайся тут, доча.

Нина Михайловна. Мама, какая тебе работа? Сиди, в окно смотри.

Эльза (*Нине Михайловне*). Говорит, коньки выдавать – это не работа.

Ивановна. Да, не работа. (*Эльзе*) тебя что ли взяли куда?

Эльза. Куда мне с двумя.

Ивановна. В садик бы пошла, устроилась, молодая пока. (*Нине Михайловне*) Еще одна тут приехала мне. Куда? Зима. И так работы нет. Огорода нет. Ничего нет. Снег вот есть.

Эльза. Не берут вот чего-то.

Нина Михайловна. У меня два высших образования. Меня в любую школу возьмут.

Эльза. Как будто я не пробовала.

Ивановна. В наследство Эльзе его оставь. Нина, ты ж уже на пенсии. Хватает им и без тебя. Своих девать некуда. Сменщица у меня тоже вот вышеобразованная. Сидит, как и я.

Нина Михайловна. Ничего, ничего. Уж за меня не волнуйтесь. Я сама. У меня бумаги.

Ивановна. С бумажками своими тут тыкаться будет по городу.

Нина Михайловна. Mam, а куда ты книги все дела?

Ивановна. Так в библиотеку отнесла: вас же не было – никто не читает.

Нина Михайловна. Ну, разве можно так с книгами? У тебя вон, правнуки растут. Им хоть. У меня вот рука не поднимается книжку выбросить.

Наше время, Урал. Нина Михайловна у Ивановны.

Нина Михайловна. Мама, помнишь, как ты книги мои все в библиотеку отдала. Я бы сейчас сделала так же. Эльза постоянно на работе, внуки черт пойми где шляются. Для кого они бы здесь лежали? Я свое отчитала.

2001, зима. Ивановна **глядит в окно, но ничего не видит. Сидит на табурете, слышно, как в щель рамную ветер дует. На улице идет снег, Ивановна сидит в старой потрепанной кроличьей шубе. В квартире тепло, но Ивановне не жарко.**

Ивановна. ..Бумажки, бумажки. Я вот свою трудовую сожгла. Сейчас жалею. Пенсия бы была нормальная, вам бы сладости покупала. Отменили все когда, думала – не пригодится. Всю жизнь работала. Никогда сложа рук не сидела. А бумажки эти, ну их, вон, я вот шубу купила на бутылки, без бумажек всяких. Вдоль реки после пикников собирала бутылки, договорилась с продавщицей. Бутылки из-под сухого вина почти не брали, брали из-под водки. А водочных много было. Брали из-под водки, из-под пива и из-под шампанского. А пива не было. А водку мы не пили. Водка была в одинаковых бутылках, вот насобирала и купила за 200 рублей. Это были большие деньги. 12 копеек стоила бутылка. В бакалее. Дворники на стадионах дрались за эти бутылки и покупали себе волги. А я только шубу купила. Кроличью. (*Пауза*). Семка мой, вы его не помните, не застали, царство ему небесное, пришел домой говорит, распределяют меня, без тебя не поеду, бери паспорт, пошли расписываться. Так и поженились, сюда переехали. (*Пауза*). Вы здесь, слушаете?

Ивановна **встает, подходит к дивану, трогает его. Правнуки по-тихому давно уже сбежали, не стали слушать бабу.**

Наше время, Урал, комната Ивановны

Нина Михайловна. Мама, ты помнишь, как я сюда к вам приехала?

Ивановна лежит бледная, с открытыми выцветшими глазами, какие они были насыщенные голубые, все белой пеленой затянуло. На её лице очень глубокие морщины. Настолько, что если бы сейчас из её глаз покатались слезы, то их бы никто и не заметил. Настолько не заметил, насколько незаметны хорошо спроектированные каналы для стока воды.

Нина Михайловна. Сегодня весь день дождь льет, слышишь? Мама, давай я тебя переверну. Радио включить?

8.

Наше время, Москва. Смог за окном. Последний этаж. Останкинская не видна. Кухня, две комнаты. Новый лифт в старом доме.

Резеда Федоровна. М, что-то ты надездодорантил, воняет чего, придет кто?

Дмитрий Викторович стоит у подоконника, скрестив руки. В брюках и белой потертой рубашке, одна верхняя пуговица растегнута. Он босиком в тапках. Она в пижаме с диснеевскими мультямами и шерстяных носках возится у плиты.

Резеда Федоровна. Пока картошка чистится, чайку попьем.

Резеда Федоровна чистит картошку, скребет морковь.

Резеда Федоровна. Насчет неграмотности, Дима, у тебя такие словечки бывают, уши вянут прямо, не тебе говорить о неграмотности. Вот ты критикуешь, а мы, старые москвичи, помним все названия старые. Вот, например, сейчас Маросейка – это была улица Богдана Хмельницкого.

Дмитрий Викторович. Так.

Резеда Федоровна. Значит, когда мы начинаем встречаться друзьями, значит, где встречаемся? – на Богдана. Мы не называем Маросейку. Мы называем Богдана. И вот так вот по всей Москве. Это не значит, что человек неграмотный. Мы выросли. Богдана. А ты приехал и нам замечания делаешь. Меня всегда это злит. Ты хочешь себя показать грамотеем каким-то. Вот не делай этого, Дим. Никогда не делай. Это очень некрасиво.

Дмитрий Викторович. Конечно, идешь по..

Резеда Федоровна (*перебивая*). Так вот и она сказала, на ВДНХ. Нет, я вас счас поправлю. Нет. У нее ВДНХ. Это не смешно. Это неприлично. И это сразу показывает среди тех, которые по-другому мыслят - сразу видно. Ну, моментально видно: откуда он и что за человек. Молчи лучше, не надо замечаний вслух делать. А если хочешь, то отдельно сделай, отдельно, а не при ком-то.

Дмитрий Викторович. А я, например, не знаю нового.

Резеда Федоровна. Дурное это все.

Дмитрий Викторович. Дурное.

Резеда Федоровна. Человек интеллигентный никогда не скажет, промолчит..

Дмитрий Викторович. Бомж - он ничего уже не скажет.

Резеда Федоровна. ..Нет, ты, конечно, можешь мне сказать..

Дмитрий Викторович. ..или скажет: дай на водку..

Резеда Федоровна. ..Но не при ком-то, не при ком-то. *(Пытается зажечь плиту электрической зажигалкой – щелк, щелк, щелк)* уже заканчивается.

Дмитрий Викторович. Тогда надо спичками. *(Берет зажигалку, щелкает, не выходит, и, раз, и все зажглось).*

Молчат, она закидывает вариться картошечку, он стоит, подпирает подоконник.

Резеда Федоровна. Этот цветок, стоит, он знаешь какой – он лечебный, он не сколько так, для красоты, он лечебный. Он как горчичник, у него так внутри такая слизь, когда его отламываешь, вот отламываешь его, у него связка, она липкая, и она как горчичник, а потрешь, знаешь, как дерет. Заболит если че – раз, раз. Закрой форточку, пожалуйста.

Дмитрий Викторович закрывает форточку.

Дмитрий Викторович. Снега в этом году мало. Чуть выпал – уже расчистили. Как и не было его. Зато без обмороженных.

Резеда Федоровна. Дороги видел как моют? Вымыли и на следующий день уже моют, хоть немножечко, чуть-чуть подождите. Моют. Тогда будет у нас сейчас картошечка. Давай-ка мы чайку попьем, а то у нас это самое пока будет все готово, будет другая песня чуть-чуть. Мм, давай чайку?

Она ставит большой чайник. Он на соседнем столике ставит свой чайник, чуть поменьше, буквально на одну кружку.

Резеда Федоровна. Что на обед лучше: картошечку или гречку? У меня и то и другое. Он и картошечку поест, и гречку. Как лучше. Вот что у меня много – так это мясного, полна морозилка. Пьем счас чай. Табуреточку принесу.

Уходит в свою комнату за табуреткой. Он заглядывает в кастрюлю, нюхает, потом еще в одну. Она возвращается, переоделась, красивая, приличная. Он уже на своем прежнем месте, у окна.

Резеда Федоровна. Вот какая. Неси свою.

Он уходит в свою комнату за своей табуреткой. Она смотрит вниз, в пол, на линолеум. На нем ровный круг, как по выжигателю сделанный. Он возвращается.

Резеда Федоровна. О, какая картошечка. *(Показывает на круг на линолеуме).*

Резеда Федоровна. Была тут турочка и в ней я поставила варить яйцо, а она сгорела, все вспыхнуло, она прямо выскочила с плиты, перевернулась и встала. Вот это ее, дно, вот так.

Дмитрий Викторович. Да, я первый услышал, прибежал, пока ты там, у телевизора.

Чайник Дмитрия вскипел.

Резеда Федоровна. Ходит вечерами за маслом, хлебом, молоком. Ты покушаешь счас обязательно.

Дмитрий Викторович. Да я что-то не хочу есть.

Резеда Федоровна. Ну а как. Ты всегда так. Режим. Все твои перекусы.

Раскладывает еду.

Резеда Федоровна. Чашечки. Выключаю, выключаю. Он если и пьет, то только кофе. Чай никогда не пьет.

Заваривает себе чай. Он заваривает себе кофе.

Резеда Федоровна. Достань, пожалуйста, сахар. Пирог съешь?

Дмитрий Викторович. Да я что-то не хочу.

Резеда Федоровна. Хоть пирожка. Ну, надо, надо. Пойдем в комнату – тут очень душно. Он всегда закрывает форточку. Я открою, он закроет. Я открою, он закроет. И втихаря. Открою – закроет.

Дмитрий Викторович. Сахара же много было.

Резеда Федоровна. Вот ищи. Посидим там.

Дмитрий Викторович. Сахара хватит.

Резеда Федоровна. Вот это унеси, скушай пирожочек, на стол поставь там.

Дмитрий Викторович. Пропуск не будут спрашивать?

Уходят в комнату.

Дмитрий Викторович. Этим табуретом можно отбиться от хулиганов.

В коридоре звонит телефон. Резеда Федоровна подходит к нему.

Резеда Федоровна. Разливай пока чаечек, Дима. *(Берет трубку)* Алло, слушаю. Ааа, Нина Михайловна, здравствуйте, здравствуйте. Да, жива, да. Да стабильно все, вчера вот по врачам с ним ходили. Нет, хуже не стало – забочусь. Нет, внуки не у нас, нет, не заходили. Случилось чего? Ааа. Да не переживайте. Но. Получала. Вы отгородились уже? Хорошо-хорошо. Передам, обязательно передам. Да как, как, как всегда все. Вчера вот код от домофона забыл. Позвонил на мою старую работу – всегда туда звонит. Этот номер на века у него в память въелся. А там уже все мне и позвонили, не впервые. Спустилась, открыла. Хорошо-хорошо, если увижу- обязательно передам. До свиданья, Нина Михайловна.

Резеда Федоровна. Звонит и спрашивает, «жива ли я».

Дмитрий Викторович. Кто звонил?

Резеда Федоровна. Да Нинка твоя.

Дмитрий Викторович. А зачем звонила-то?

Резеда Федоровна. Да я не поняла. Даже и разговаривать не хочу с ней после таких слов.

Дмитрий Викторович. Может, важное что.

Резеда Федоровна. Да что у неё может быть важного? Ты чай почему не разлил?

Дмитрий Викторович. Забыл.

9.

1982 год, 13 ноября. Вечер, остановка троллейбуса, мелкий дождик. Поздно, но вдруг последний позже, чем по расписанию, пойдет. Эльза стоит, как обычно, без зонта. Мокнуть – это честно. К ней подходит Владимир, держит над ней зонт.

Эльза. Это вы зачем?

Владимир. Промокнете.

Эльза. У меня болоньевая.

Владимир. А вам в какую сторону ехать?

Эльза. Мне – в другую.

Владимир смеется. Мимо проезжает троллейбус, но не останавливается.

Эльза. Мой.

Владимир берет Эльзу за руку, и они бегут за ним. Владимир бежит быстрее, не отпускает руку, и от этого Эльза тоже бежит так быстро, как не бегала, догоняют троллейбус, он останавливается, открывает двери.

Голос водителя. Товарищи, в депо.

Эльза. Подходит!

Садятся.

Конечная, парк. Эльза и Владимир выходят из троллейбуса. Дождь еще идет, но зонта Владимир не раскрывает, мокнет, провожает Эльзу до дома.

Эльза. Завтра не могу – учеба, зачет.

Владимир. Послезавтра?

Эльза. Послезавтра.

Владимир. У большого пушкинского пальца.

Эльза. У него. В двенадцать.

Владимир. Даже если будет сильный дождь, придешь?

Эльза. Приду.

Владимир. И даже если ядерная война начнется, придешь?

Эльза. Ты серьезно? Приду.

Владимир. Смотри, какой у тебя район темный.

Идут, мокнут. Лужи не блестят – не от чего. Только разве что от вывески киоска «Восход».

Эльза. А вон мои окна на третьем. Не горят. Мама спит уже, значит.

Владимир. Может, постоим немного? Тепло, свежо, дождь кончился.

Эльза. Прояснилось.

Владимир. Облака рассеялись. Если в слове «прояснилось» ударение поменять на «проЯснилось», то оно сразу как-то вкуснее становится. ПроЯснилось. ПроЯснилось.

Эльза смотрит в небо, Владимир смотрит на нее. Пауза. Эльза опускает голову, улыбается. Владимир тоже улыбается. Пауза.

Владимир. До послезавтра, пока.

Эльза. Пока.

Эльза протягивает руку. Владимир крепко её пожимает.

15 ноября, почти 11 утра. Эльза сидит перед телевизором, пришивает обратно на форму белые манжеты. Играет мелодия «Manchester et Liverpool» диктор объявляет прогноз погоды: пасмурно, +5, возможен небольшой снег. Эльза встает, выключает

телевизор. Дальше по программе трансляция очередной постигшей нас тяжелой утраты, по привычной схеме: все в красных повязках, колонный зал, артиллерийский лафет, красная площадь. Дошила, оделась, вышла.

Памятник Пушкину. 12.42 слышны залпы пушек, грохот. Через некоторое время – машины, предприятия, все начало гудеть. Эльза стоит, сидит, ходит. Ждет. Смотрит на часы. Люди вокруг ходят, сидит только женщина на лавке тепло закутанная.

Женщина на лавке (Эльзе). Свихнешься тут от мороза. Иди домой.

Эльза молчит.

Женщина на лавке. Конечно, он не может не прийти.

Эльза молчит.

Женщина на лавке. Ну и дура. Прождешь его так всю жизнь.

Эльза уходит. Ее догоняет Владимир с букетом красных гвоздик. Женщина на лавке что-то кричит, но ее не слышно, только пар изо рта идет.

Владимир. Это тебе.

Эльза. Дурак!

Владимир. Гроб уронили!

Эльза. И что!?

Владимир. Примета плохая. В армию меня теперь заберут, наверное. *(Улыбается)*

Дождешься меня?

Эльза. Уже дождалась.

Владимир. Как сегодня. Дождешься?

Эльза. Куда пойдём?

Владимир. В кино сейчас все отменили. Но, судя по погоде, катки должны открыть.

Можно пойти в библиотеку на читательские конференции по книгам Брежнева.

Эльза. Просто погуляем?

Владимир. У меня коньяк есть.

Наше время, Урал, комната Ивановны.

Эльза. Ну и дура же я была. Смерть Брежнева, коньяк, первый поцелуй.

Все так начиналось и так закончилось. Легко начиналось, тяжело закончилось. *Пауза.*

Бабушка?

10.

Наше время, Москва.

Кухня, тот же линолеум с пятном от турочки, ничего не изменилось. Посреди кухни сидит Дмитрий Викторович на табурете. Вокруг, на полу газеты, большой разворот.

Резеда Федоровна подстригает его. Старые портновские ножницы, еще годные, большие, с зелеными выкрашенными кольцами.

Резеда Федоровна. Все кудрявее и кудрявее у тебя волос. Жизнь у тебя, значит, кудрявая.

Дмитрий Викторович хочет что-то ответить.

Резеда Федоровна. Не вертись. Уши отрежу, сколько можно повторять. Ничего не запоминаешь.

Подстригает его.

Резеда Федоровна. Что бы ты без меня? Ничего бы. Режим. Не пропустить ни одного приема лекарства. Ты думаешь, ты бы это помнил? Да не вертись! Тебе это нужно, но ты же этого не помнишь. Врач даже похвалила меня, что я так внимательна. Я же ничего такого не делаю. Нормально, по-человечески. Очень важен контроль. Тебе положено через три часа, а организм – это чудо какое-то, он ждет эту таблетку через три часа. Три раза в день и ночную еще.

Дмитрий Викторович. А если чуть пропустил?..

Резеда Федоровна. Ну, я-то точно знаю это время твое. Контроль.

Дмитрий Викторович. Почувствовал. Можно зарубки делать.

Резеда Федоровна. Да ты забудешь про свои зарубки. Я-то помню, но мне бы хотелось, чтобы ты тоже помнил. Мы вот к Кате так и не съездили. Забыли.

Стрижет его.

Резеда Федоровна. Вот я никак не могу понять одну твою привычку, до сих пор. Весь день дома, даже если поспишь до двух часов, встал там, кофе выпил или поел, перекусил, но вот каждый день выходишь в восемь вечера. В семь-восемь и до двенадцати тебя нет. Вот где можно по одному и тому же району столько времени, объясни?

Дмитрий Викторович. Ищейку надо.

Резеда Федоровна. Но я приблизительно знаю твой маршрут. Круги, по которым ты ходишь.

Дмитрий Викторович. Я быстро от хвоста ухожу.

Резеда Федоровна. Ты же дальше Первомайской, Измайлово не едешь.

Дмитрий Викторович. Почему?

Резеда Федоровна. Все пешком, все пешком. Каждый день. А я сижу и жду, дать тебе ночную таблетку.

Молчит. Подстригает. Рассматривает его.

Резеда Федоровна. Потом брусничный чай с тобой попьем. Мне посушили. С медком. Это не сладость.

Дмитрий Викторович. Да я пока еще хорошо ориентируюсь: направо, налево, Кремль.

Резеда Федоровна. Врач постоянно говорит, чтоб в шахматы ты играл.

Дмитрий Викторович. Да, всё хочет заставить.

Резеда Федоровна. Немножко поработал чтоб мозгами, покрутил.

Дмитрий Викторович. Да я если ему даже и фору дам..

Резеда Федоровна. А почему нет - не понимаю. Нельзя, чтоб заржавели мозги.

Дмитрий Викторович. Уровень не тот.

Резеда Федоровна. Масштаб маленький, развернуться негде, понятно. Хотя бы просто поиграть. Позабавился и пошел себе. Оживить. Шахматы – нужно думать. Думать и держать. А ты не хочешь этого делать. Нейрончики должны работать.

Дмитрий Викторович. Это не ко мне.

Резеда Федоровна. В Сокольниках открывают шахматный дом.

Дмитрий Викторович. Клуб. Он там вообще-то всегда был.

Резеда Федоровна. Но потом его немножечко прикрыли.

Дмитрий Викторович. К туалетам сместили территориально.

Резеда Федоровна. Ну, и не важно, что снесли.

Дмитрий Викторович. Сместили. Закрытый, но он плохой был, маленький.

Резеда Федоровна. Не знаю, но я помню, и буфет там хороший. Чай можно, кофе.

Дмитрий Викторович. Кому что. Кому шашки, шахматы, поддавки. Все, закончили?

Резеда Федоровна. Нет еще, стригу.

Дмитрий Викторович. Что-то ты долго сегодня.

Резеда Федоровна. Нет, почему, как обычно.

Дмитрий Викторович. Делаю ход, он отвечает, я обратно, он снова ход, снова обратно. Фору даю. Ставлю на исходную позицию.

Резеда Федоровна. Это ты неправильно.

Дмитрий Викторович. Почему? Ладно.

Резеда Федоровна. Ты газету-то купил себе, «Коммерсант»?

Дмитрий Викторович. Да, вот она на полу лежит. Потом прочитаю.

Резеда Федоровна. А почему ты ее в эту стопку-то положил.

Дмитрий Викторович. Так получилось. Сижу на «Коммерсанте».

Резеда Федоровна. Пиво твое в холодильнике давно уже стоит, что с ним делать?

Дмитрий Викторович. Да что с ним делать? Вон у нас сосед выпивает.

Резеда Федоровна. Это, который, сверху?

Дмитрий Викторович. Но, с мамой, который ходит.

Резеда Федоровна. Даже и не подумала бы. Здоровается всегда. И собачка у него такая хорошая. Его маме уже много лет, а смотри, какая крепенькая. Может, собачку заведем?

Дмитрий Викторович. Он тоже крепенький.

Резеда Федоровна. Как мы въехали сюда, сколько лет назад, они каждый день утром гуляют. По два часа. Может, ты там тоже с чьей-нибудь собакой вечера гуляешь?

Дмитрий Викторович. Конечно. Главное – одеваться тепло.

Резеда Федоровна. Давай собаку заведем?

Дмитрий Викторович. Заводили уже в свое время.

Пауза. Щелкают ножницы.

Резеда Федоровна. Смотри, какой барометр природы у нас с тобой за окном. Как будто и нету башни. Ты обратил внимание, что ее сегодня не видно.

Дмитрий Викторович. Да ее часто не видно.

Резеда Федоровна. Чуть-чуть просвечивается. Вот когда ее видно - все чисто, значит, экология нормальная, все нормальное, все нормально.

Дмитрий Викторович. Да все, достригла уже, ничего не осталось. Все равно в шапке хожу.

Наше время, Урал. Поселковая дорога. Старый красный ЛиАЗ едет по ней. «За безбилетный проезд – штраф 50 копеек». Дребезжит. Поднимает пыль на дороге. Въезжает в горку – облако пыли поднимается. Пыль снаружи автобуса, пыль внутри салона. Звенит железнодорожный переезд, шлагбаум опускается. Опускается пыль. Все замерло. Пассажиры крепко держатся за поручни – качает по ямам. Водитель крепко держит руль в синей изолянте. Мигает красный. Нина Михайловна сидит на боковом трехместном, у кабины водителя – там трясет меньше всего. Подпирает голову локтем. Каждый день на огород, от кладбища две остановки и до него еще. Автобус стоит на переезде. Нина Михайловна не смотрит в окно – чего она там не видела. Смотрит на свои руки.

Нина Михайловна. Распухло уже больше недели. Потянула, что ли. Надо идти к травматологу, наверное. Вроде так: иногда побаливает, иногда не болит. Я мажу троксевазином, хондроксидом. К терапевту пойду, заодно и талон возьму к травматологу. Потянула, наверное. Эти вон, вообще, распухшие вон какие. Этот тоже. Непорядок, непорядок. Артриты, артрозы. Так оно и есть. Все болячки на –оз: атеросклероз, остеохондроз, артроз, остеопороз. Весь букет.

Задремала. На остановке вошла женщина с ребенком. Ребенок на руках у матери, сели рядом с Ниной Михайловной.

Мать (ребенку). Если захочешь баю-бай..., ложись спать..., мы будем ехать с тобой доооолго... По лесу поедем.. Автобус едет, едет, долго будет ехать, ложись спать. По дороге поедем, по мостам. Едет.. едет.. Один глаз у Аленушки спит, другой смотрит, одно ухо у Аленушки спит, другое – слушает.

Качает ребенка. Задремал. Мама достала планшет, выключила звук, запустила игру.

Нина Михайловна. Я тоже такую штуку хочу. Девчонки, видела, с такими же: смотрят кино или ищут женихов. В любом месте садятся, за столом. Везде интернет. Мне вот фотоаппарат на прошлый день рожденья подарили, я птичек фотографирую. Только как с него теперь распечатать? На компьютере, говорят, смотреть надо. Надо заняться интернетом. Флешки какие-то вставить. Один раз смотрю: сын соседки на машине по двору ездит: вы не беспокойтесь, я интернет ищу, сигнал. Туда – сюда. Что за сигнал. Может у него какой-то модем. У нас сигнал. Ноутбук флешка интернет сигнал поймать.

Смотрит в окно.

Нина Михайловна. Жара такая. Как сейчас что поливать. Хоть бы дождь пошел. Автобуса долго не было. До автостанции успела дойти. До жары хотела. На полдевятого. Автобус на остановке, говорят, только что ушел. Смотрю на часы: еще четверть. - Как ушел? - Так ушел. Следующий не скоро. Не возвращаться же. Видимо, пошел не по расписанию. Вы тоже на километр? Она говорит: да. Потом подъезжает машина, молодой человек, она села. Я дождалась. Не рискнула. Куда я? Людей мало. Прихожу на автостанцию – никого почти, мало. Минут 40 сидела. Потом поехала. Я обычно на шесть сорок езжу. В больницу ходила. Зашла. А карточку не ту дали, пока ходила, женщина другая зашла. Дали карточку от эндокринолога. - Идите в регистратуру. Пошла, нашли еще одну карточку. - У нас должна быть одна карточка, говорит. Смотрю, приносит вторую. Потом, пока ходила за карточкой, другая женщина зашла. Всё. Так думала быстро. Фигушки. Карточку нашла. - Раздевайтесь до плавок. Все сняла. Даже носки. Щупала мне все кости. Потом пока все

записала, пока бумажку ждала, потом пока в регистратуре. Время идет. Одиннадцатого. День в день час в час за талончиком идти. Возьму-не возьму. В семь тридцать.

Зевнула.

Нина Михайловна. Фотографии надо компьютер выбрать, что печатать. Зимой, когда времени от огородного больше будет. Фотографии. Цветы, веранда. Фотографировала. Пионы. Красиво цвели. Дверь новую поставили. Я на окне птичек кормлю, кот сидит. Как только утром, еще не расцвело, я им насыпала. Слышу – кот хвостом замахал, значит, птички прилетели. Туда- сюда. Хоть видит око, да зуб неймет. Сначала на кухонном окне кормила. По окну лапой – птичек-то нет.

У кого-то звонит телефон.

Нина Михайловна. У кого телефон? Не слышно. Не видно. Приехали уже. Телефон.

Идет мимо деревянных домиков, одноэтажного магазина с черным Петром первым на витрине, печеньем развесным на синих гиревых весах, обходит ямы, проходит мимо лающих собак, обходит репейники по тропинке, за горкой гудит поезд, сигналит – СУМЗовский мост. Не было раньше автобуса, ездили на электричке сюда, 7 километров до города. Первый муж Нины Михайловны отсюда. Старый дом тут стоял - жил тут, мать его жила. А потом снега много выпало, с крыши пополз, как лавина, да обвалил весом часть стены. Новый дом потом выстроили с верандой, вторым этажом. Землей, сыростью не пахнет. Электрочайник, холодильник, микроволновка. Старый на дрова разобрали. Переодевается. Надевает резиновые сапоги. В один попала, в другой никак не может попасть.

Нина Михайловна. Я на веранду не поднимаюсь. Там из окна кладбище видно. А в огороде, ничего, нормально. Белая смородина, красная, черная. Вишню надо обязательно парно сажать. Усы клубники. Земляники. Подвязать, прополоть, протяпать. Не жалею о прошлой жизни. Все было хорошо. Да и сейчас ничего. Единственное, что здоровье подводит. Внуками довольна, выросли хорошие ребята, хоть я и ворчу часто, но все равно довольна, так что не зря я старалась. Было бы здоровье - никаких бы проблем не было.

Снова звонит телефон.

Нина Михайловна. У меня, что ли? Алло?
Голос Эльзы. Мама, бабушке плохо.

12.

Наше время, Москва. Дмитрий Викторович стоит у подъезда – забыл код опять. Просто стоит. Запищал домофон. Кто-то вышел. Дмитрий Викторович зашел в подъезд. Нажимает на кнопку лифта. Он не работает. Был старый лифт, работал, поменяли, так теперь через раз.

Дмитрий Викторович. Понятно.

Начинает подниматься пешком.

Дмитрий Викторович. Первый. Первый с половиной. Второй. Второй с половиной.

Устал, остановился.

Дмитрий Викторович. Третий. Раз-два. Семь восемь. Раз два пять шесть.

Лес. Сосны, ели, маленькие березки где-то между. Папоротник вдоль. Дмитрий Викторович молодой, в кроссовках, майке и шортах бежит вверх, в гору. Сам для себя. Раз в неделю, забег по субботам. Дорога каменистая, на деревьях пометки о маршруте, чтоб не сбиться. Бежит, боковым зрением мелькают заметины. Дышит правильно. Вдох-выход. Вдох-выдох. Раз-два. Три-четыре.

Дмитрий Викторович. Тысяча двести. Тысяча двести. Высота. До дождя главное. Дорога скользкая будет. Напряжение. Победитель.

Бежит. Внутри тепло-тепло, а потом, добежит до вершины, так холодно станет.

Дмитрий Викторович. Места-то такие, серьезные, звериные тропы. Расстояния большие до железки. Дороги.

Чуть замедлил бег, удлинил шаг.

Дмитрий Викторович. Жарко. Снега. Да я такие зимы видел - лыжи из рук отпустил. Снега - во. Упали на снег и тут же потерялись. Искали, откапывали – не нашли. Бежишь, бывало, холодно, носом дышишь, через рот выдыхаешь. И кончик языка раз, и от холода отвалился, выплюнул, дальше бежишь, холодно стоять.

Закашлялся.

Дмитрий Викторович поднялся на свой этаж, зашел домой, сел в кресло не разуваясь. На стене висит картина. Море, на берегу моря – дом-маяк. Шумит море. Пахнет водорослями, волной. Мелкие брызги летят. Так их не видно, а постоял подольше – промок незаметно. Смотрит на картину.

Дмитрий Викторович. И это было, и то, и другое. А я и не заметил. Куда. Как по галочкам пробежался. Письмо вчера писал другу, свет не зажигал. От окна – не спалось. Вставать - не вставал. Наутро на тумбочку глянул – почерк свой не узнал. Откуда почерк? Откуда, кто писал. А знакомое что-то. Потом понял, что мой. Какой я стал: волосы седые, но свои. Ворчливый. Отец. Дед. Прадед. Не отмотать ничего, всего не запомнить.

К нему в комнату заходит Резеда Федоровна.

Резеда Федоровна. Ты что тут сидишь, телефон не слышишь?

Дмитрий Викторович. Кто-то звонил?

Резеда Федоровна. Эльза.

Дмитрий Викторович. Что случилось? Почему ты меня не позвала?

Резеда Федоровна. Я звала.

Дмитрий Викторович. Я не слышал.

Резеда Федоровна. Бабушка её умерла.

Дмитрий Викторович. Тамара Ивановна.

Резеда Федоровна. Чай будешь?

Дмитрий Викторович. Кофе только. Надо ехать.

Резеда Федоровна. Да я так предлагаю просто. Режим весь пропустишь.

Дмитрий Викторович. Она ко мне очень хорошо относилась, любила.

Резеда Федоровна. Тебе нельзя.

Дмитрий Викторович. Готовь свой чай.

Резеда Федоровна. Один слепой сидит, умирает; другой – борется.

Дмитрий Викторович. Натуры человеческие.

Резеда Федоровна. Как хочешь.

13.

Наше время, Урал. Дмитрий Викторович едет в автобусе, рядом на сиденье – его дорожная сумка с вещами. Молчит, задумался куда-то. Перед ним на сиденье какая-то женщина-садоводница, котомки, панамы, рассада в пустых баночках от кошачьего корма. Она сидит у окна, крутит в руках маленький радиоприемник на батарейках, придет, да в огород – время убивать, будет полоть, песни напевать, а потом на предпоследнем, на 21:55 домой, кошек кормить, разговаривать с ними. Чтоб снова утром встать, да на огород, а осенью к рынку бегать будет – урожай свой продавать, сидя на ящике, да выслушивать от таких же, сидячих. К ней подсаживается пьяненький старик с бородой.

Пьяненький старик с бородой. Осенняя пора. Очей очарованье. Красиво. Пушкин. Я-то редко езжу.

Молчание.

Пьяненький старик с бородой. Вы здесь работаете? А сколько лет каждый день ездите?
Женщина-огородница. Вы со мной, дедушка?

Пьяненький старик с бородой. Какой же я дедушка? Бороды не только ведь дедушки носят, но и профессора всякие.

Подходит кондуктор, нужно заплатить за проезд. Пьяненький старик с бородой передает мятый полтинник, женщина передает заранее заготовленную мелочь. Кондуктор хмурится, пересчитывает, отрывает билеты, уходит.

Пьяненький старик с бородой. На паперти стоите, что ль?

Женщина-огородница. Что?

Пьяненький старик с бородой. Наконец-то я вас!

Женщина-огородница. Боже мой.

Пьяненький старик с бородой. Вы учительница?

Женщина-огородница. Я люблю в автобусе слушать музыку, никому не мешать.

Пьяненький старик с бородой. У меня жена бухгалтер.

Женщина-огородница. Извините, можно я пересяду, пропустите, пожалуйста.

(Пытается встать со всеми своими вещами, автобус качается).

Пьяненький старик с бородой. Вы на меня не обижайтесь. Так вы здесь работаете?

Женщина-огородница. Я радио слушаю, а не вас.

Пьяненький старик с бородой. В какой месяц вы родились? Овны – страшные женщины, у меня жена вот.

Женщина-огородница. Да не работаю я тут.

Пьяненький старик с бородой. 35 лет вместе уже.

Женщина-огородница. Вам всего хорошего. *(Пробирается через него, пересаживается).*

Пьяненький старик с бородой. Но вы же сами сказали. *(Тыкает пальцем в окно, кричит на весь салон).* Вот она, жизнь, а вы её так и не поняли! Или я не понял?

Молчание.

Пьяненький старик с бородой. Видно меня, слышно? Извините меня.

Молчание.

Пьяненький старик с бородой. Ну, у каждого додика – своя методика.

Смеется. Никто не смеется ему в ответ.

Конечная. Лето. Жарко. Воздух движется, цветет все, дурман. Дорога засыпана вдоль забора. Дмитрий Викторович идет. Ноги ведут. Домой вернулся. Сейчас он маленький, лабазник выше него. Набегался, без спросу убежал далеко. Сейчас ругать будет мать. Шагает тихо, слушает, наверняка мать уже по соседям всем прошла. Забор кривой, условный. Если бежать быстро вдоль него – то будто его и нет – все видно. Видно, что мать в огороде работает. Раскрасневшаяся, шея черная, обожжённая, а с лица – только нос обгорел. Под ногти, да в растрескавшуюся кожу земля забила. Черная земля, но кислая. Известь гашеную сложно достать. Скоро сбор урожая, дел много. Яблоки будут, картошка своя, самая-самая вкусная и сладкая. Пролез под калиткой, юркий.

Дмитрий Викторович. Мама.

Мама Дмитрия. А, вернулся.

Дмитрий Викторович. Ты меня не потеряла разве?

Мама Дмитрия. Я волновалась.

Дмитрий Викторович. Я помогать буду.

Мама Дмитрия. А все, поздно уж. Я сама на сегодня все сделала.

Дмитрий Викторович. Как сама?

Мама Дмитрия. Так сама. Дел много, некогда за тобой еще бегать.

Дмитрий Викторович. Ты после работы не устала разве?

Мама Дмитрия. Ты мне мешать пришел? Иди в дом, я скоро закончу.

Дмитрий Викторович. Давай я помогу, я же обещал.

Мама Дмитрия. Завтра приходи помогать. Сегодня уже все. Солнце, видишь, садится уже.

Дмитрий Викторович. Давай я приготовлю еду.

Мама Дмитрия. Я уже все приготовила. В доме холодным стоит. Иди, отдыхай.

Дмитрий Викторович. Я полезным быть хочу.

Пауза. Солнце село, забор покосился, дом исчез, чужой стоит, незнакомый. Дмитрий Викторович стоит, держится за зеленовыкрашенную изгородь.

Мама Дмитрия. Иди к магазину, тебя ищут. Я люблю тебя.

14

Наше время, большое офисное здание. Совещание. Большой крепкий стол, стулья вокруг. Доска с бумагами и маркером. Ничего лишнего. Абсолютно ничего. Вынеси стол, да стулья – пустое пространство останется. Кабинет для деловых встреч,

лекций. Сотрудники стоят за столом. Директор тоже сидит. Ложная демократия. Над всеми потолок-купол, полностью застекленный, плывут облака. На уровне глаз окон в помещении нет.

Директор. Ну, и самое главное. Новости все смотрят объяснять ничего не надо. Ничего отменять сегодня мы решили, что не будем. Билеты распроданы. Люди придут. Официально траур с завтра. В день похорон никаких концертов давать не будем, на всякий случай, но офис работает. Пусть бюджетники да кабинеты рыдают, нам работать надо. Вопросы?

Сотрудники расходятся.

Офис. Рабочий день. Люди сидят за компьютерами. Дует ветер, с клена спиралью летят крылатки. Летят.

Конец рабочего дня. Люди расходятся. Две девушки выходят из здания.

Девушка в шапке. Пойдешь?

Девушка без шапки. А смысл? Все равно ничего не изменится.

Девушка в шапке. Для себя.

Девушка без шапки. А вдруг сажать будут.

Девушка в шапке. Да им не до нас.

Девушка без шапки. Сегодня да, завтра – нет. Они ж теперь с камерами ходят, записывают все. А тут такой день. Наверняка уже прознали.

Девушка в шапке. Как знаешь. До завтра.

Девушка без шапки. Пока.

Девушка в шапке идет в сторону площади. Там сегодня несанкционированный митинг за будущие легитимные выборы. Вслух об этом нельзя говорить. Люди стоят, улыбаются. Никто ничего не кричит. Просто стоят. Много людей стоит. Но, потом окажется, что мало было. А, может, и уже мало. Девушка в шапке тоже стоит. У неё звонит телефон.

Девушка в шапке. Да.

Голос Эльзы. Дед потерялся.

В толпе что-то происходит. Их теснят люди со щитами. Приближаются.

Девушка в шапке. Где?

Голос Эльзы. Тут, у нас. Он как приземлился – позвонил. Потом пропал.

Приближаются.

Девушка в шапке. Я до его дома съезжу на всякий случай.

Приближаются и.. Удар. Телефон падает, разбивается. Девушка в шапке тоже начинает падать, но её вытягивает к стене дома какой-то молодой человек.

Девушка в шапке. Спасибо.

Молодой человек. Вот им делать нечего. У них Верховный Главнокомандующий умер, а они..

Девушка в шапке. Бежим!

Бегут. Куда бегут, зачем? **Бегут.** Жизнь продолжается.

Конец.

v 1.1.